

Месяц в деревне

Автор:

Иван Тургенев

Месяц в деревне

Иван Сергеевич Тургенев

Как драматическое произведение пьеса всеми газетами была названа «скучной», или даже «скучнейшей», и несценичной, хотя в то же время признавались ее высокие литературные достоинства. «„Месяц в деревне“ нельзя даже назвать комедией – это просто диалогированная повесть; отсутствие драматической жилки бросается здесь в глаза на каждом шагу, так же как и блестящие достоинства романиста-художника». В то же время отмечалось, что своеобразие комедии Тургенева потребовало от актеров новых приемов игры. «Здесь всё зависит от актера. Не доиграй актер или переиграй – пиши пропало. Воплотить в себе и разрешить сложную психологическую задачу – вот что задает И. С. Тургенев нашей современной драматической труппе. Страшно за актеров, которые вдруг окажутся вполне бессильными совладать со сложной психологической задачей». «Это замечательно тонкий психологический этюд, требующий от актеров большого художественного чутья и известного художественного уровня».

Иван Сергеевич Тургенев

Месяц в деревне

Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Аркадий Сергеич Ислаев, богатый помещик, 36 лет.

Наталья Петровна, жена его, 29 лет.

Коля, сын их, 10 лет.

Верочка, воспитанница, 17 лет.

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лет.

Лизавета Богдановна, компаньонка, 37 лет.

Шааф, немец-гувернер, 45 лет.

Михайла Александрович Ракитин, друг дома, 30 лет.

Алексей Николаевич Беляев, студент, учитель Коли, 21 года.

Афанасий Иванович Большинцов, сосед, 48 лет.

Игнатий Ильич Шпигельский, доктор, 40 лет.

Матвей, слуга, 40 лет.

Катя, служанка, 20 лет.

Действие происходит в имении Ислаева, в начале сороковых годов. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 действиями проходит по дню.

Действие первое

Театр представляет гостиную. Направо карточный стол и дверь в кабинет; прямо дверь в залу; налево два окна и круглый стол. По углам диваны. За карточным столом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шааф играют в преферанс; у круглого стола сидят Наталья Петровна и Ракитин. Наталья Петровна вышивает по канве, у Ракитина в руках книга. Стенные часы показывают три часа.

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Опять? Да ты нас, батюшка, эдак совсем заиграешь.

Шааф (Флегматически). Фоземь ф червёх.

Анна Семеновна (Лизавете Богдановне). Каков! С ним играть нельзя. (Лизавета Богдановна улыбается.)

Наталья Петровна (Ракитину). Что ж вы перестали? Читайте.

Ракитин (медленно поднимая книгу). «Monte-Cristo se redressa haletant...»[1 - «Монте-Кристо вскочил, прерывисто дыша...» (франц.)] Наталья Петровна, вас это занимает?

Наталья Петровна. Нисколько.

Ракитин. Для чего же мы читаем?

Наталья Петровна. А вот для чего. На днях мне одна дама говорила: «Вы не читали „Монте-Кристо“?»[1 - «Монте-Кристо» – роман Александра Дюма-отца «Comte de Monte-Cristo» (1844–1845).] Ах, прочтите – это прелесть». Я ничего ей не отвечала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитин. Ну да если вы теперь уже успели убедиться...

Наталья Петровна. Ах, какой вы ленивый!

Ракитин. Я готов, помилуйте... (Отыскав место, где остановился.) Se redressa haletant, et...

Наталья Петровна (сама перебивая его). Видели вы Аркадия сегодня?

Ракитин. Я с ним встретился на плотине... Ее у вас чинят. Он объяснял что-то рабочим и, для большей ясности, вошел в песок по колена.

Наталья Петровна. Он за всё принимается с слишком большим жаром... слишком старается. Это недостаток. Как вы думаете?

Ракитин. Я с вами согласен.

Наталья Петровна. Как это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

Ракитин. А! стало быть, вы хотите, чтобы я с вами спорил... Извольте.

Наталья Петровна. Я хочу... Я хочу!.. Я хочу, чтоб вы хотели... Читайте, говорят вам.

Ракитин. Слушаю-с. (Опять принимается за книгу.)

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Как? опять? Это нестерпимо! (Наталье Петровне.) Наташа... Наташа...

Наталья Петровна. Что?

Анна Семеновна. Вообрази себе, Шааф нас совсем заиграл... То и дело семь, восемь, в червях.

Шааф. И деберь зем.

Анна Семеновна. Слышишь? Это ужасно.

Наталья Петровна. Да... ужасно.

Анна Семеновна. Так вист же! (Наталье Петровне.) А где Коля?

Наталья Петровна. Он ушел гулять с новым учителем.

Анна Семеновна. А! Лизавета Богдановна, я вас приглашаю.

Ракитин (Наталье Петровне). С каким учителем?

Наталья Петровна. Ах, да! Я вам и забыла сказать... мы без вас нового учителя наняли.

Ракитин. На место Дюфура?

Наталья Петровна. Нет... Русского учителя. француза нам княгиня из Москвы пришлет.

Ракитин. Что он за человек, этот русский? старый?

Наталья Петровна. Нет, молодой... Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли.

Ракитин. А! на кондицию.

Наталья Петровна. Да, это у них, кажется, так называется. И знаете ли что, Ракитин? Вы вот любите наблюдать людей, разбирать их, копаться в них...

Ракитин. Помилуйте, с чего вы...

Наталья Петровна. Ну да, да... Обратите-ка на него ваше внимание. Мне он нравится. Худой, стройный, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок... а для вас это беда.

Ракитин. Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преследуете.

Наталья Петровна. Кроме шуток, обратите на него внимание. Мне кажется, из него может выйти человек славный. А впрочем, бог знает!

Ракитин. Вы возбуждаете мое любопытство...

Наталья Петровна. В самом деле? (Задумчиво.) Читайте.

Ракитин. *Se redressa haletant, et...*

Наталья Петровна (вдруг оглядываясь). А где Вера? Я ее с утра не видала. (С улыбкой Ракитину.) Бросьте эту книгу... Я вижу, нам сегодня читать не удастся... Расскажите мне лучше что-нибудь...

Ракитин. Извольте... Что ж мне вам рассказать... Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных... Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Всё другое можно... но скуку нет.

Наталья Петровна (поглядев на него). А другое всё можно?

Ракитин (помолчав немного). Я думаю.

Наталья Петровна (опустив глаза). Так что ж вы делали у Криницыных?

Ракитин. Ничего. Скучать с друзьями – ужасная вещь: вам ловко, вы не стеснены, вы их любите, злиться вам не на что, а скука вас всё-таки томит, и сердце глупо ноет, словно голодное.

Наталья Петровна. Вам, должно быть, часто с друзьями скучно бывает.

Ракитин. Как будто и вы не знаете, что? значит присутствие человека, которого любишь и который надоедает!

Наталья Петровна (медленно). Которого любишь... это великое слово. Вы что-то мудроно говорите.

Ракитин. Мудрено... почему же мудроно?

Наталья Петровна. Да, это ваш недостаток. Знаете ли что, Ракитин: вы, конечно, очень умны, но... (останавливаясь) иногда мы с вами разговариваем, точно кружево плетем... А вы видали, как кружево плетут? В душных комнатах, не двигаясь с места... Кружево – прекрасная вещь, но глоток свежей воды в жаркий день гораздо лучше.

Ракитин. Наталья Петровна, вы сегодня...

Наталья Петровна. Что?

Ракитин. Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна. О, тонкие люди, как вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нет, я на вас не сержусь.

Анна Семеновна. А! наконец обремизился! Попался! (Наталье Петровне.) Наташа, злодей наш поставил ремиз.

Шааф (кисло). Лисафет Богдановне финоват...

Лизавета Богдановна (с сердцем). Извините-с, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шааф. Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Анна Семеновна (Шаафу). Да чем же она виновата?

Шааф (повторяет точно тем же голосом). Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Лизавета Богдановна. А мне что! Вот еще!..

Ракитин. Чем более я на вас гляжу, Наталья Петровна, тем более я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (с некоторым любопытством). В самом деле?

Ракитин. Право. Я нахожу в вас какую-то перемену.

Наталья Петровна. Да?.. В таком случае сделайте одолжение... Вы ведь меня знаете – угадajte, в чем состоит эта перемена, что во мне такое произошло – а?

Ракитин. А вот погодите... (Коля вдруг с шумом вбегает из залы прямо к Анне Семеновне.)

Коля. Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! (Показывает ей лук и стрелы.) Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя... Ах, какой славный лук! кто тебе его сделал?

Коля. Вот он... он... (Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.)

Анна Семеновна. А! да как он хорошо сделан...

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, И попал два раза... (Прыгает.)

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля (бежит к ней и пока Наталья Петровна рассматривает лук). Ах, татап! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (Прыгает.)

Наталья Петровна (Беляеву). Я вам очень благодарна за ваше внимание к Коле...

Коля (с жаром ее перебивая). Я его очень люблю, татап, очень!

Наталья Петровна (глядя Колю по голове). Он у меня немножко изнежен...
Сделайте мне из него ловкого и проворного мальчика. (Беляев кланяется.)

Коля. Алексей Николаич, пойдёмте в конюшню, отнесем Фавориту хлеба.

Беляев. Пойдёмте.

Анна Семеновна (Коле). Поди сюда, поцелуй меня сперва...

Коля (убегая). После, бабушка, после! (Убегает в залу; Беляев уходит за ним.)

Анна Семеновна (глядя вслед Коле). Что за милый ребенок! (К Шаафу и Лизавете Богдановне) Не правда ли?

Лизавета Богдановна. Как же-с.

Шааф (помолчав немного). Я пасс.

Наталья Петровна (с некоторой живостью Ракитину). Ну, как он вам показался?

Ракитин. Кто?

Наталья Петровна (помолчав). Этот... русский учитель.

Ракитин. Ах, извините – я и забыл... Я так был занят вопросом, который вы мне задали... (Наталья Петровна глядит на него с едва заметной усмешкой.)
Впрочем, его лицо... действительно... Да; у него хорошее лицо. Он мне нравится.
Только, кажется, он очень застенчив.

Наталья Петровна. Да.

Ракитин (глядя на нее). Но всё-таки я не могу себе дать отчета...

Наталья Петровна. Что бы нам с вами позаняться им, Ракитин? Хотите?
Окончимте его воспитание. Вот превосходный случай для степенных,
рассудительных людей, каковы мы с вами! Ведь мы очень рассудительны, не

правда ли?

Ракитин. Этот молодой человек вас занимает. Если б он это знал... его бы это польстило.

Наталья Петровна. О, поверьте, нисколько! О нем нельзя судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте. Ведь он нисколько на нас не похож, Ракитин. В том-то и беда, друг мой: мы самих себя изучаем с большим прилежанием и воображаем потом, что знаем людей.

Ракитин. Чужая душа – темный лес. Но к чему эти намеки... За что вы меня то и дело колете?

Наталья Петровна. Кого же колоть, коли не друзей... А вы мой друг... Вы это знаете. (Жмет ему руку. Ракитин улыбается и светлеет.) Вы мой старый друг.

Ракитин. Боюсь я только... как бы этот старый друг вам не приелся...

Наталья Петровна (смеясь). Одни хорошие вещи приедаются.

Ракитин. Может быть... Только от этого им не легче.

Наталья Петровна. Полноте... (Понизив голос) Как будто вы не знаете... *ce que vous ?tes pour moi*[2 - что? вы для меня (франц.)].

Ракитин. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью... Но мышь не жалуется.

Наталья Петровна. О, бедный мышонок!

Анна Семеновна. Двадцать с вас, Адам Иваныч... Ага!

Шааф. Я фперет Лисафет Богдановне не приклашаю.

Матвей (входит из залы и докладывает).Игнатий Ильич приехали-с.

Шпигельский (входя по его следам). Об докторах не докладывают. (Матвей уходит.) Низжайшее мое почтение всему семейству. (Подходит к Анне Семеновне к ручке.) Здравствуйте, барыня. Чай, в выигрыше?

Анна Семеновна. Какое в выигрыше! Насилу отыгралась... И то слава богу! Всё вот этот злодей. (Указывая на Шаафа.)

Шпигельский (Шаафу). Адам Иваныч, с дамами-то! это нехорошо... Я вас не узнаю.

Шааф (ворча сквозь зубы). З-дамами, з-дамами...

Шпигельский (подходит к круглому столу налево). Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрыч!

Наталья Петровна. Здравствуйте, доктор. Как вы поживаете?

Шпигельский. Мне этот вопрос очень нравится... Значит, вы здоровы. Что? со мною делается? Порядочный доктор никогда болен не бывает; разве вдруг возьмет да умрет... Ха-ха.

Наталья Петровна. Сядьте. Я здорова, точно... но я не в духе... А ведь это тоже нездоровье.

Шпигельский (сидясь подле Натальи Петровны). А позвольте-ка ваш пульс... (Щупает у ней пульс.) Ох, уж эти мне нервы, нервы... Вы мало гуляете, Наталья Петровна... мало смеетесь... вот что... Михайло Александрыч, что вы смотрите? А впрочем, можно белые капли прописать.

Наталья Петровна. Я не прочь смеяться... (С живостью.) Да вот вы, доктор... у вас злой язык, я вас за это очень люблю и уважаю, право... расскажите мне что-нибудь смешное. Михайло Александрыч сегодня всё философствует.

Шпигельский (украдкою поглядывая на Ракитина). А, видно, не одни нервы страдают, и желчь тоже немножко расходилась...

Наталья Петровна. Ну, и вы туда же! Наблюдайте сколько хотите, доктор, да только не вслух. Мы все знаем, что вы ужасно проникательны... Вы оба очень проникательны.

Шпигельский. Слушаю-с.

Наталья Петровна. Расскажите нам что-нибудь смешное.

Шпигельский. Слушаю-с. Вот не думал, не гадал – цап-царап, рассказывай... Позвольте табачку понюхать. (Нюхает.)

Наталья Петровна. Какие приготовления!

Шпигельский. Да ведь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смешное смешному розь. Что? для кого. Соседу вашему, например, господину Хлопушкину, сто?ит только эдак палец показать, уж он и залился, и хрипит, и плачет... а ведь вы... Ну, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Наталья Петровна. Кажется, знаю, или слыхала.

Шпигельский. У него еще сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом смысле; потому что между братом и сестрой решительно нет никакой разницы, но дело не в том. Судьба-с, везде судьба-с, и во всем судьба-с. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красненький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепьянах играет и сюсюкает тоже, стало быть, всё в порядке. За ней двести душ да теткин полтора. Тетка-то еще жива и долго проживет, сумасшедшие все долго живут, да ведь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную в пользу племянницы, а накануне я ей собственноручно на голову холодную воду лил – и совершенно, впрочем, напрасно лил, потому что вылечить ее нет никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невеста не из последних. Начал он ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими некто Перекузов, худосочный молодой человек, робкий, но с отличными правилами. Вот-с, понравился наш Перекузов отцу; понравился и дочери... Кажись, за чем бы дело стало? с богом, под венец! И действительно, всё шло прекрасно: господин Вереницын, Платон Васильич, уже начинал господина Перекузова по желудку эдак, знаете, хлопать и по плечу

трепать, как вдруг откуда ни возьмись заезжий офицер, Ардалион Протобекасов! На бале у предводителя увидел Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: «О, как я несчастлив!» – барышня моя так разом и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи... На Перекузова не глядят, с Перекузовым не говорят, от одного слова «свадьба» корчи делаются... Фу ты, господи боже мой, что за притча! Ну, думает Вереницын, коли Протобекасова, так Протобекасова. Благо же он человек тоже с состояньем. Приглашают Протобекасова, дескать, сделайте честь... Протобекасов делает честь; Протобекасов приезжает, волочится, влюбляется, наконец предлагает руку и сердце. Что ж вы думаете? Девица Вереницына тотчас с радостью соглашается? Как бы не так! Сохрани бог! Опять слезы, вздохи, припадки. Отец приходит в тупик. Что же, наконец? Чего надобно? А она что, вы думаете, ему отвечает? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Как?» – Ей-богу, не знаю, и уж лучше ни за кого не выйду, а люблю! С Вереницыным, разумеется, тотчас холера, женихи тоже не знают, что ж такое, наконец? а она всё на своем. Вот-с, извольте рассудить, какие чудеса у нас происходят!

Наталья Петровна. Я в этом ничего, удивительного не нахожу... Как будто нельзя двух людей разом любить?

Ракитин. А! вы думаете...

Наталья Петровна (медленно). Я думаю... а впрочем, не знаю... может быть, это доказывает только то, что ни того, ни другого не любишь.

Шпигельский (нюхая табак и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина). Вот как-с, вот как-с...

Наталья Петровна (с живостью Шпигельскому). Ваш рассказ очень хорош, но вы всё-таки меня не рассмешили.

Шпигельский. Да, барыня вы моя, кто вас рассмешит теперь, помилуйте? Вам теперь не того нужно.

Наталья Петровна. Чего же мне нужно?

Шпигельский (с притворно-смирненным видом). А господь ведает!

Наталья Петровна. Ах, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

Шпигельский. Много чести, помилуйте...

(Наталья Петровна делает нетерпеливое движение.)

Анна Семеновна, (поднимаясь с места.) Ну, наконец... (Вздыхает.) Ноги себе отсидела совсем. (Лизавета Богдановна и Шааф тоже встают.) О-ох.

Наталья Петровна (встает и идет к ним). Охота же вам так долго сидеть... (Шпигельский и Ракитин встают.)

Анна Семеновна (Шаафу). За тобою семь гривен, батюшка. (Шааф сухо кланяется.) Не всё тебе нас наказывать. (Наталье Петровне.) Ты сегодня как будто бледна, Наташа. Здорова ты?.. Шпигельский, здорова она?

Шпигельский (который о чем-то перешёптывался с Ракитиным). О, совершенно!

Анна Семеновна. То-то же... А я пойду немножко отдохнуть перед обедом... Устала смерть. Лиза, пойдём... ох, ноги, ноги... (Идет с Лизаветой Богдановной в залу. Наталья Петровна провожает ее до дверей. Шпигельский, Ракитин и Шааф остаются на авансцене.)

Шпигельский (Шаафу, подавая ему табакерку). Ну, Адам Иваныч, ви бефинден зих?[З - как поживаете? (Нем.)]

Шааф (нюхая с важностью). Карашо. А фи как?

Шпигельский. Покорно благодарю, помаленьку. (Ракитину вполголоса.) Так вы точно не знаете, что с Натальей Петровной сегодня?

Ракитин. Право, не знаю.

Шпигельский. Ну, коли вы не знаете... (Оборачивается и идет навстречу Наталье Петровне, которая возвращается от двери.) А у меня есть до вас дельце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (идя к окну). Неужели? какое?

Шпигельский. Мне нужно с вами поговорить наедине...

Наталья Петровна. Вот как... вы меня пугаете.

(Ракитин между тем взял Шаафа под руку, ходит с ним взад и вперед и шепчет ему что-то по-немецки. Шааф смеется и говорит вполголоса: «Ja, ja, ja, jawohl, jawohl, sehr gut»[4 - «Да, да, да, конечно, конечно, очень хорошо» (нем.).].)

Шпигельский (понижив голос). Это дело собственно не до вас одних касается...

Наталья Петровна (глядя в сад). Что вы хотите сказать?

Шпигельский. Вот в чем дело-с. Один хороший знакомый меня просил узнать... то есть... ваши намерения насчет вашей воспитанницы... Веры Александровны.

Наталья Петровна. Мои намерения?

Шпигельский. То есть... говоря без обиняков, мой знакомый...

Наталья Петровна. Уж не сватается ли за нее?

Шпигельский. Точно так-с.

Наталья Петровна. Вы шутите?

Шпигельский. Никак нет-с.

Наталья Петровна (смеясь). Да помилуйте, она еще ребенок; какое странное поручение!

Шпигельский. Чем же странное, Наталья Петровна? мой знакомый...

Наталья Петровна. Вы большой делец, Шпигельский... А кто такой ваш знакомый?

Шпигельский (улыбаясь). Позвольте, позвольте. Вы мне еще ничего не сказали положительного насчет...

Наталья Петровна. Полноте, доктор. Вера еще дитя. Вы сами это знаете, господин дипломат. (Оборачиваясь.) Да вот, кстати, и она. (Из залы вбегают Вера и Коля.)

Коля (бежит к Ракитину). Ракитин, вели нам клею дать, клею...

Наталья Петровна (к Вере). Откуда вы? (Гладит ее по щеке.) Как ты покраснелась...

Вера. Из саду... (Шпигельский ей кланяется.) Здравствуйте, Игнатий Ильич.

Ракитин (Коле). На что тебе клею?

Коля. Нужно, нужно... Алексей Николаич нам змея делает... Прикажи...

Ракитин (хочет позвонить). Постой, сейчас...

Шааф. Erlauben Sie...[5 - Позвольте... (Нем.)] Каспадин Коля сифодне сфой лекцион не брочидал... (Берет Колю за руку.) Kommen Sie[6 - Идемте (нем.)].

Коля (печально). Morgen, Herr Schaaf, morgen...[7 - Завтра, господин Шааф, завтра... (Нем.)]

Шааф (резко). Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute...[2 - Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. — Первые строки

стихотворения Христиана Феликса Вейсе (1726–1804), ставшие пословицей. Стихотворение впервые было напечатано в сб. «Lieder f?r Kinder» (1766).] Kommen Sie...[8 - Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят... Идемте... (Нем.)] (Коля упирается.)

Наталья Петровна (Вере). С кем это ты так долго гуляла? Я тебя не видала с утра.

Вера. С Алексеем Николаичем... с Колей...

Наталья Петровна. А! (Оборачиваясь.) Коля, что это значит?

Коля (понижив голос). Господин Шааф... Мамаша...

Ракитин (Наталье Петровне). Они там змея делают, а здесь вот ему урок хотят задать.

Шааф (с чувством достоинства). Gn?dige Frau...[9 - Сударыня... (Нем.)]

Наталья Петровна (строго Коле). Извольте слушаться, довольно вы сегодня бегали... Ступайте с господином Шааф.

Шааф (уводя Колю в залу). Es ist unerh?rt![10 - Это неслыханно! (Нем.)]

Коля (уходя, шёпотом Ракитину). А ты всё-таки клей прикажи... (Ракитин кивает.)

Шааф (дергая Колю). Kommen Sie, mein Herr...[11 - Идемте, сударь... (Нем.)] (Уходит с ним в залу. Ракитин уходит вслед за ними.)

Наталья Петровна (Вере). Сядь... ты, должно быть, устала... (Садится сама.)

Вера (сажаясь). Никак нет-с.

Наталья Петровна (с улыбкой Шпигельскому). Шпигельский, посмотрите на нее, ведь она устала?

Шпигельский. Да ведь это Вере Александровне здорово.

Наталья Петровна. Я не говорю... (Вере.) Ну, что вы в саду делали?

Вера. Играли-с; бегали-с. Сперва мы смотрели, как плотину копают, а потом Алексей Николаич за белкой на дерево полез, высоко-высоко, и начал верхушку качать... Нам всем даже страшно стало... Белка, наконец, упала, и Трезор чуть-чуть ее не поймал... Однако она ушла.

Наталья Петровна (с улыбкой взглянув на Шпигельского). А потом?

Вера. А потом Алексей Николаич Коле лук сделал... да так скоро... а потом он к нашей корове на лугу подкрался и вдруг ей на спину вскочил... корова испугалась и побежала, забрыкала... а он смеется (смеется сама), а потом Алексей Николаич хотел нам змея сделать, вот мы и пришли сюда.

Наталья Петровна (треплет ее по щеке). Дитя, дитя, совершенное ты дитя... а? как вы думаете, Шпигельский?

Шпигельский (медленно и глядя на Наталью Петровну). Я с вами согласен.

Наталья Петровна. То-то же.

Шпигельский. Да ведь это ничему не мешает... Напротив...

Наталья Петровна. Вы думаете? (Вере.) Ну, и очень вы веселились?

Вера. Да-с... Алексей Николаич такой забавный.

Наталья Петровна. Вот как. (Помолчав немного.) Верочка, а сколько тебе лет? (Вера с некоторым изумлением глядит на нее.) Дитя... дитя... (Ракитин входит из залы.)

Шпигельский (хлопотливо). Ах, я и забыл... у вас кучер болен... а я его еще не видал...

Наталья Петровна. Что у него?

Шпигельский. Горячка; впрочем, опасности нет никакой.

Наталья Петровна (ему вслед). Вы у нас обедаете, доктор?

Шпигельский. Если позволите. (Уходит в залу.)

Наталья Петровна. Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le diner...[12 - Дитя мое, вы бы надели другое платье к обеду... (франц.)] (Вера встает.) Подойди ко мне... (Целует ее в лоб.) Дитя, дитя. (Вера целует у ней руку и идет в кабинет.)

Ракитин (тихонько Вере, мигая глазом). А я Алексею Николаичу послал всё, что нужно.

Вера (вполголоса). Благодарствуйте, Михайло Александрыч. (Уходит.)

Ракитин (подходит к Наталье Петровне. Она ему протягивает руку. Он тотчас ее пожимает). Наконец мы одни... Наталья Петровна, скажите мне, что с вами?

Наталья Петровна. Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте. (Ракитин садится подле нее.) С кем этого не случается? Ходят же по небу тучки. Что вы на меня так смотрите?

Ракитин. Я гляжу на вас... Я счастлив.

Наталья Петровна (улыбается ему в ответ). Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду! (Ракитин встает и открывает окно.) Здравствуй, ветер. (Смеется.) Он словно ждал случая ворваться... (Оглядываясь.) Как он завладел всей комнатой... Теперь его не выгонишь...

Ракитин. Вы сами теперь мягки и тихи, как вечер после грозы.

Наталья Петровна (задумчиво повторяя последние слова). После грозы... Да разве была гроза?

Ракитин (качая головой). Собиралась.

Наталья Петровна. В самом деле? (Глядя на него, после небольшого молчания.) А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себе человека добрее вас. Право. (Ракитин хочет ее остановить.) Нет, не мешайте мне высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не изменяетесь. Я вам многим обязана.

Ракитин. Наталья Петровна, зачем вы мне это говорите именно теперь?

Наталья Петровна. Не знаю; мне весело, я отдыхаю; не запрещайте мне болтать...

Ракитин (жмет ей руку). Вы добры, как ангел.

Наталья Петровна (смеясь). Сегодня поутру вы бы этого не сказали... Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношения так чисты, так искренни... и всё-таки не совсем естественны. – Мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть... Да; но... (Задумывается.) Вот оттого-то мне иногда и тяжело бывает, и неловко, я злюсь, я готова, как дитя, выместить свою досаду на другом, особенно на вас... Вас это предпочтение не сердит?

Ракитин (с живостью). Напротив...

Наталья Петровна. Да, иногда весело помучить, кого любишь... кого любишь... Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?» [3 - Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?» – Слова Татьяны в романе Пушкина «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XLVII.]

Ракитин. Наталья Петровна, вы...

Наталья Петровна (перебивая его). Да... я вас люблю; но знаете ли что, Ракитин? Знаете ли, что мне иногда странным кажется: я вас люблю... и это чувство так ясно, так мирно... Оно меня не волнует... я им согрета, но... (С живостью.) Вы никогда не заставили меня плакать... а я бы, кажется, должна была... (Перерываясь.) Что это значит?

Ракитин (несколько печально). Такой вопрос не требует ответа.

Наталья Петровна (задумчиво). А ведь мы давно с вами знакомы.

Ракитин. Четыре года. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна. Друзья... Нет, вы мне более, чем друг...

Ракитин. Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса... Я боюсь за мое счастье, как бы оно не исчезло у вас под руками.

Наталья Петровна. Нет... нет... нет. Всё дело в том, что вы слишком добры... Вы мне слишком потакаете... Вы меня избаловали... Вы слишком добры, слышите?

Ракитин (с улыбкою). Слушаю-с.

Наталья Петровна (глядя на него). Я не знаю, как вы... Я не желаю другого счастья... Многие могут мне позавидовать. (Протягивает ему обе руки.) Не правда ли?

Ракитин. Я в вашей власти... делайте из меня, что хотите... (В зале раздаётся голос Ислаева: «Так вы послали за ним?»).

Наталья Петровна (быстро приподнимаясь). Он! Я не могу теперь его видеть... Прощайте! (Уходит в кабинет.)

Ракитин (глядя ей вслед). Что это такое? Начало конца или просто конец? (Помолчав немного.) Или начало? (Входит Ислаев с озабоченным видом и снимает шляпу.)

Ислаев. Здравствуй, Michel.

Ракитин. Мы уже виделись сегодня.

Ислаев. А! Извини... Я совершенно захлопотался. (Ходит по комнате.) – Странное дело! Русский мужик очень смышлен, очень понятлив, я уважаю русского

мужика... а между тем иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь... Ясно, кажется, а пользы никакой. У русского мужика нет этого... этого...

Ракитин. Да ты всё еще над плотиной хлопчешь?

Ислаев Этого... так сказать... этой любви к работе нету... именно любви нет. Он тебе мненья твоего хорошо высказать не даст, – «Слушаю, батюшка...» А какое: слушаю – просто ничего не понял. Посмотри-ка на немца – то ли дело! Терпенья у русского нет. – Со всем тем, я его уважаю... А где Наташа? Не знаешь?

Ракитин. Она сейчас здесь была.

Ислаев. Да который час? Пора бы обедать. С утра на ногах – дела пропасть... А еще сегодня на постройке не был. Время так вот и уходит. Беда! – просто никуда не успеваешь! (Ракитин улыбается.) Ты, я вижу, смеешься надо мной... Да что ж, брат, делать? Кому что. Я человек положительный, рожден быть хозяином – и больше ничем. Было время – я о другом мечтал; да осекся, брат! Пальцы себе обжег – во-как! – Что это Беляев не идет?

Ракитин. Кто такое Беляев?

Ислаев. А новый наш учитель, русский. Дичок еще порядочный; ну, да привыкнет. Малый неглупый. Я его попросил сегодня посмотреть, что постройка... (Входит Беляев.) А, да вот и он! Ну, что? Как там? Ничего не делают небось? А?

Беляев. Нет-с; работают.

Ислаев. Второй сруб кончили?

Беляев. Начали третий.

Ислаев. А насчет венцов – вы сказали?

Беляев. Сказал.

Ислаев. Ну – а они что?

Беляев. Они говорят, что иначе они и не делали никогда.

Ислаев. Гм. Ермил плотник там?

Беляев. Там.

Ислаев. А!.. Ну, благодарствуйте! (Входит Наталья.) А! Наташа! здравствуй!

Ракитин. Что ты это сегодня со всеми двадцать раз здороваешься?

Ислаев. Говорят тебе, захлопотался. Ах, кстати! Я тебе не показывал новую мою веялку? Пойдем, пожалуйста; это любопытно. Вообрази – ураган из нее, просто ураган. До обеда еще успеем... Хочешь?

Ракитин. Изволь.

Ислаев. А ты, Наташа, не идешь с нами?

Наталья Петровна. Будто я понимаю что в ваших веялках! – Ступайте вы одни – да смотрите, не замешкайтесь.

Ислаев (уходя с Ракитиным). Мы сейчас... (Беляев собирается за ними идти.)

Наталья Петровна (Беляеву). Куда же вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с... я...

Наталья Петровна. Впрочем, если вы хотите гулять...

Беляев. Нет-с, я целое утро был на воздухе!

Наталья Петровна. А! ну в таком случае сядьте... Сядьте здесь. (Указывая на стул.) Мы с вами еще не поговорили как следует, Алексей Николаич. Мы еще не познакомились. (Беляев кланяется и садится.) А я желаю с вами познакомиться.

Беляев. Я-с... мне очень лестно.

Наталья Петровна (с улыбкой). Вы меня теперь боитесь, я это вижу... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вам лет?

Беляев. Двадцать один год-с.

Наталья Петровна. Ваши родители живы?

Беляев. Мать моя умерла. Отец жив.

Наталья Петровна. И давно ваша матушка скончалась?

Беляев. Давно-с.

Наталья Петровна. Но вы ее помните?

Беляев. Как же... помню-с.

Наталья Петровна. А батюшка ваш в Москве живет?

Беляев. Никак нет-с, в деревне.

Наталья Петровна. А! что, у вас есть братья... сестры?

Беляев. Одна сестра.

Наталья Петровна. Вы ее очень любите?

Беляев. Люблю-с. Она гораздо моложе меня.

Наталья Петровна. А как ее зовут?

Беляев. Натальей.

Наталья Петровна (с живостью). Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовут... (Останавливается.) И вы очень ее любите?

Беляев. Да-с.

Наталья Петровна. Скажите, как вы находите моего Колю?

Беляев. Он очень милый мальчик.

Наталья Петровна. Не правда ли? И такой любящий! Он уже успел привязаться к вам.

Беляев. Я готов стараться... Я рад...

Наталья Петровна. Вот, видите ли, Алексей Николаич, конечно, я бы желала сделать из него дельного человека. Я не знаю, удастся ли это мне, но во всяком случае я хочу, чтобы он всегда с удовольствием вспоминал о времени своего детства. Пусть он растет себе на воле – это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексей Николаич; мой отец был человек не злой, но раздражительный и строгий... все в доме, начиная с маменьки, его боялись. Мы с братом, бывало, всякий раз украдкой крестились, когда нас звали к нему. Иногда мой отец принимался меня ласкать, но даже в его объятиях я, помнится, вся замирала. Брат мой вырос, и вы, может быть, слышали об его разрыве с отцом... Я никогда не забуду этого страшного дня... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью... он называл меня своим утешеньем, своей Антигоной...[4 - ...он называл меня ~ своей Антигоной... – Антигона – легендарная древнегреческая героиня, дочь Эдипа и его матери Иокасты, последовавшая за слепым отцом в изгнание. Миф об Антигоне лег в основу трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона».] (он ослеп в последние годы своей жизни); но самые его нежные ласки не могли изгладить во мне первые впечатления моей молодости... Я боялась его, слепого старика, и никогда в его присутствии не чувствовала себя свободной... Следы этой робости, этого долгого принужденья, может быть, до сих пор не исчезли совершенно... я знаю, я с первого взгляда кажусь... как это сказать?... холодной, что ли... Но я замечаю, что я рассказываю вам о самой себе, вместо того чтобы говорить вам о Коле. Я только хотела сказать, что я по собственному опыту знаю, как хорошо ребенку расти на воле... Вот вас, я думаю, в детстве не стесняли, не правда ли?

Беляев. Как вам сказать-с... Меня, конечно, никто не стеснял... мной никто не занимался.

Наталья Петровна (робко). А ваш батюшка разве...

Беляев. Ему было не до того-с. Он всё больше по соседям ездил... по делам-с... Или хотя и не по делам, а... Он через них, можно сказать, хлеб свой добывал. Через свои услуги.

Наталья Петровна. А! И так-таки никто не занимался вашим воспитанием?

Беляев. По правде сказать, никто. Впрочем, оно, должно быть, заметно. Я слишком хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна. Может быть... но зато... (Останавливается и продолжает с некоторым смущением.) Ах, кстати, Алексей Николаич, это вы вчера в саду пели?

Беляев. Когда-с?

Наталья Петровна. Вечером, возле пруда, вы?

Беляев. Я-с. (Поспешно.) Я не думал... пруд отсюда так далеко... Я не думал, чтобы здесь можно было слышать...

Наталья Петровна. Да вы как будто извиняетесь? У вас очень приятный звонкий голос, и вы так хорошо поете. Вы учились музыке?

Беляев. Никак нет-с. Я понаслышке пою-с... одне простые песни.

Наталья Петровна. Вы их прекрасно поете... Я вас когда-нибудь попрошу... не теперь, а вот когда мы с вами больше познакомимся, когда мы сблизимся с вами... ведь не правда ли, Алексей Николаич, мы с вами сблизимся? Я чувствую к вам доверие, моя болтовня вам это может доказать... (Она протягивает ему руку для того, чтобы, он ее пожал. Беляев нерешительно берет ее и после некоторого недоумения, не зная, что делать с этой рукой, целует ее. Наталья Петровна краснеет и отнимает у него руку. В это время входит из залы Шпигельскцй, останавливается и делает шаг назад. Наталья Петровна быстро встает, Беляев

то же.)

Наталья Петровна (с смущением). А, это вы, доктор... а мы вот здесь с Алексеем Николаичем... (Останавливается.)

Шпигельский (громко и развязно). Вообразите себе, Наталья Петровна, какие дела у вас происходят. Вхожу я в людскую, спрашиваю больного кучера, глядь! а мой больной сидит за столом и в обе щеки уписывает блин с луком. Вот после этого и занимайся медициной, надейся на болезнь да на безобидные доходы!

Наталья Петровна (принужденно улыбаясь). А! В самом деле... (Беляев хочет уйти.) Алексей Николаич, я забыла вам сказать...

Вера (вбегая из залы). Алексей Николаич! Алексей Николаич! (Она вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.)

Наталья Петровна (с некоторым удивлением). Что такое? Что тебе надобно?

Вера (краснея и потупя глаза, указывает на Беляева). Их зовут.

Наталья Петровна. Кто?

Вера. Коля... то есть Коля меня просил насчет змея...

Наталья Петровна. А! (Вполголоса Вере.) On n'entre pas comme cela dans une chambre... Cela ne convient pas.[13 - Так не входят в комнату... Это неприлично. (франц.)] (Обращаясь к Шпигельскому.) Да который час, доктор? У вас всегда верные часы... Пора обедать.

Шпигельский. А вот, позвольте. (Вынимает часы из кармана.) Теперь-с... теперь-с, доложу вам - пятого двадцать минут.

Наталья Петровна. Вот видите. Пора! (Подходит к зеркалу и поправляет себе волосы. Между тем Вера шепчет что-то Беляеву. Оба смеются. Наталья Петровна их видит в зеркале. Шпигельский сбоку поглядывает на нее.)

Беляев (смеясь, вполголоса). Неужели?

Вера (кивая головой, тоже вполголоса). Да, да, так и упала.

Наталья Петровна (с притворным равнодушием оборачиваясь к Вере). Что такое? Кто упал?

Вера (с смущением). Нет-с... там качели Алексей Николаич устроил, так нянюшка вот вздумала...

Наталья Петровна (не дожидаясь конца ответа, к Шпигельскому). Ах, кстати, Шпигельский, подите-ка сюда... (Отводит его в сторону и обращается опять к Вере.) Она не ушиблась?

Вера. О нет-с!

Наталья Петровна. Да... а всё-таки, Алексей Николаич, это вы напрасно...

Матвей (входит из залы и докладывает). Кушанье готово-с.

Наталья Петровна. А! Да где ж Аркадий Сергеич? Вот они опять опоздают с Михаилом Александровичем.

Матвей. Они уж в столовой-с.

Наталья Петровна. А маменька?

Матвей. В столовой и онэ-с.

Наталья Петровна. А! ну, так пойдете. (Указывая на Беяева.) Вера, allez en avant avec monsieur[14 - идите вперед с месье (франц.).] (Матвей выходит, за ним идут Беяев и Вера.)

Шпигельский (Наталье Петровне). Вы мне что-то хотели сказать?

Наталья Петровна. Ах, да! Точно... Вот видите ли... Мы еще с вами поговорим о... о вашем предложенье.

Шпигельский. Насчет... Веры Александровны?

Наталья Петровна. Да. Я подумаю... я подумаю.

(Оба уходят в залу.)

Действие второе

Театр представляет сад. Направо и налево под деревьями скамейки; прямо малинник. Входят справа Катя и Матвей. У Кати в руках корзинка.

Матвей. Так как же, Катерина Васильевна? Извольте наконец объясниться, убедительно вас прошу.

Катя. Матвей Егорыч, я, право...

Матвей. Вам, Катерина Васильевна, слишком хорошо известно, как, то есть, я к вам расположен. Конечно, я старше вас годами; об этом, точно, спорить нельзя; но всё-таки я еще постою за себя, я еще в самом прыску-с. Нрава я тоже, как вы изволите знать, кроткого; кажется, чего еще?

Катя. Матвей Егорыч, поверьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвей Егорыч... Да вот... Подождать, я думаю, надо.

Матвей. Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вам заметить, вы этого не говорили-с. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя то есть поручиться. Такое уважение получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притом я человек непиющий, ну, и от господ тоже худого слова не слыхал.

Катя. Право, Матвей Егорыч, я не знаю, что мне вам сказать...

Матвей. Эх, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-с...

Катя (слегка покраснев). Как недавно? Отчего недавно?

Матвей. Да уж я не знаю-с... а только прежде вы... вы со мной прежде иначе изволили поступать.

Катя (глянув в кулисы, торопливо). Берегитесь... Немец идет.

Матвей (с досадой). А ну его, долгоносого журавля!.. А я с вами еще поговорю-с. (Уходит направо. Катя тоже хочет идти в малинник. Входит слева Шааф, с удочкой на плече.)

Шааф (вслед Кате). Кута? Кута, Катерин?

Катя (останавливаясь). Нам малины велено набрать, Адам Иваныч.

Шааф. Малин?.. малин прятный фрукт. Фи любит малин?

Катя. Да, люблю.

Шааф. Хе, хе!.. И я... и я тоже. Я фзе люблю, что фи любит. (Видя, что она хочет уйти.) О, Катерин, ботождит немношко.

Катя. Да некогда-с... Ключница браниться будет.

Шааф. Э! ничефо. Фот и я иту... (Указывая на уду.) Как это скасать, рибить, фи понимайт, рибить, то ись риб брать. Фи любит риб?

Катя. Да-с.

Шааф. Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вам зкажу, Катерин... По-немецки есть безенка (поет). «Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb'ich dich so sehr!..» то исть по-русски: «О, Катринушка, Катринушка, фи карош, я тиебия люблю». (Хочет обнять ее одной рукой.)

Катя. Полноте, полноте, как вам не стыдно... Господа вон идут. (Спасается в малинник.)

Шааф (принимая суровый вид, вполголоса). Das ist dumm...[15 - Это глупо... (Нем.)]

(Входит справа Наталья Петровна, под руку с Ракитиным.)

Наталья Петровна (Шаафу). А! Адам Иванович! вы идете рыбу удить?

Шааф. Дочно дак-с.

Наталья Петровна. А где Коля?

Шааф. З Лисафет Богданофне... урок на фортепиано...

Наталья Петровна. А! (Оглядываясь.) Вы здесь одни?

Шааф. Атин-с.

Наталья Петровна. Вы не видали Алексея Николаича?

Шааф. Никак нет.

Наталья Петровна (помолчав). Мы с вами пойдём, Адам Иванович, хотите? посмотрим, как-то вы рыбу ловите?

Шааф. Я одшень рад.

Ракитин (вполголоса Наталье Петровне), Что за охота?

Наталья Петровна (Ракитину). Пойдемте, пойдемте, beau tenebreux...[16 - демоническое существо (франц.).] (Все трое уходят направо.)

Катя (осторожно выставляя голову из малинника). Ушли... (Выходит немного, останавливается и задумывается.) Вишь, немец!.. (Вздыхает и опять принимается рвать малину, напевая вполголоса.)

Не огонь горит, не смола кипит,

А кипит-горит ретиво сердце...

А Матвей Егорыч-то прав! (Продолжая напевать.)

А кипит-горит ретиво сердце

Не по батюшке, не по матушке...

Крупная какая малина... (Продолжая напевать.)

Не по батюшке, не по матушке...

Экая Жара! Даже душно. (Продолжая напевать.)

Не по батюшке, не по матушке...

А кипит-горит по ...

(Вдруг оглядывается; умолкает и до половины прячется за куст. Слева входят Беляев и Верочка; у Беляева в руках змей.)

Беляев (проходя мимо малинника, Кате). Что ж ты перестала, Катя? (Поет.)

А кипит-горит по красной девице...

Катя (краснея). У нас она не так поется.

Беляев. А как же? (Катя смеется и не отвечает.) Что это ты, малину собираешь? Дай-ка отведать.

Катя (отдавая ему корзинку). Возьмите всё...

Беляев. Зачем всё... Вера Александровна, хотите? (Вера берет из корзинки, и он берет.) Ну, вот и довольно. (Хочет отдать корзинку Кате.)

Катя (отталкивая его руку). Да возьмите всё, возьмите.

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (Отдает ей корзинку.) Спасибо. (Вере.) Вера Александровна, сядемте-ка на скамейку. Вот (указывая на змея) нужно ему хвост привязать. Вы мне поможете. (Оба идут и садятся на скамейку. Беляев дает ей змея в руки.) Вот так. Смотрите же держите прямо. (Начинает привязывать хвост.) Что же вы?

Вера. Да эдак я вас не вижу.

Беляев. Да на что ж вам меня видеть?

Вера. То есть я хочу видеть, как вы привязываете хвост.

Беляев. А! ну, постойте. (Устраивает так змей, что ей можно его видеть.) Катя, что ж ты не поешь? Пой. (Спустя немного Катя начинает напевать вполголоса.)

Вера. Скажите, Алексей Николаич, вы в Москве тоже иногда пускали змея?

Беляев. Не до змеев в Москве! Подержите-ка веревку... вот так. Вы думаете, нам в Москве другого нечего делать?

Вера. Что ж вы делаете в Москве?

Беляев. Как что? мы учимся, профессоров слушаем.

Вера. Чему же вас учат?

Беляев. Всему.

Вера. Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всех других.

Беляев. Нет, не очень хорошо. Какое лучше всех! Я ленив.

Вера. Зачем же вы ленитесь?

Беляев. А бог знает! Таким уж, видно, родился.

Вера (помолчав). Что, у вас есть друзья в Москве?

Беляев. Как же. Эх, эта веревка не довольно крепка.

Вера. И вы их любите?

Беляев. Еще бы!.. Вы разве не любите ваших друзей?

Вера. Друзей... У меня нет друзей.

Беляев. То есть я хотел сказать, ваших приятельниц.

Вера (медленно). Да.

Беляев. Ведь у вас есть приятельницы?..

Вера. Да... только я не знаю, отчего... я с некоторых пор что-то мало об них думаю... даже Лизе Мо?шниной не отвечала, а уж она как меня просила в своем письме.

Беляев. Как же это вы говорите, у вас нет друзей... а я-то что?

Вера (с улыбкой). Ну, вы... Вы другое дело. (Помолчав.)Алексей Николаич!

Беляев. Что?

Вера. Вы пишете стихи?

Беляев. Нет. А что?

Вера. Так. (Помолчав.) У нас в пансионе одна барышня писала стихи.

Беляев (затягивая зубами узел). Вот как! и хорошие?

Вера. Я не знаю. Она нам их читала, а мы плакали.

Беляев. Отчего же вы плакали?

Вера. От жалости. Так ее было жаль нам!

Беляев. Вы воспитывались в Москве?

Вера. В Москве, у госпожи Болюс. Наталья Петровна меня оттуда в прошлом году взяла.

Беляев. Вы любите Наталью Петровну?

Вера. Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

Беляев (с усмешкой). И, чай, боитесь ее?

Вера (тоже с усмешкой). Немножко.

Беляев (помолчав). А кто вас в пансион поместил?

Вера. Натальи Петровны матушка покойница. Я у нее в доме выросла. Я сирота.

Беляев (опустив руки). Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

Вера. Нет.

Беляев. И у меня мать умерла. Мы оба с вами сироты. Что ж делать! Унывать нам всё-таки не следует.

Вера. Говорят, сироты меж собою скоро дружатся.

Беляев (глядя ей в глаза). В самом деле? А вы как думаете?

Вера (тоже глядя ему в глаза, с улыбкой). Я думаю, что скоро.

Беляев (смеется и снова принимается за змей). Хотел бы я знать, сколько уж я времени в здешних местах?

Вера. Сегодня двадцать восьмой день.

Беляев. Какая у вас память! Ну, вот и кончен змей. Посмотрите, каков хвост! Надо за Колей сходить.

Катя (подходя к ним с корзинкой). Хотите еще малины?

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (Катя молча отходит.)

Вера. Коля с Лизаветой Богдановной.

Беляев. И охота же в такую погоду ребенка в комнате держать!

Вера. Лизавета Богдановна нам бы только мешала...

Беляев. Да я не об ней говорю...

Вера (поспешно). Коля без нее не мог бы с нами пойти... Впрочем, она вчера об вас с большой похвалой отзывалась.

Беляев. В самом деле?

Вера. Вам она не нравится?

Беляев. Ну ее! Пусть себе табак нюхает на здоровье!.. Зачем вы вздыхаете?

Вера (помолчав). Так. Как небо ясно!

Беляев. Так вы от этого вздыхаете? (Молчание.) Вам, может быть, скучно?

Вера. Мне скучно? Нет. Я иногда сама не знаю, о чем я вздыхаю... Мне вовсе не скучно. Напротив... (Помолчав.) Я не знаю... я, должно быть, не совсем здорова. Вчера я шла вверх за книжкой – и вдруг на лестнице, вообразите, вдруг села на ступеньку и заплакала... Бог знает отчего, и потом долго всё слезы наворачивались... Что такое это значит? А между тем мне хорошо...

Беляев. Это от роста. Вы растете. Это бывает. То-то у вас вчера вечером глаза как будто распухли.

Вера. А вы заметили?

Беляев. Как же.

Вера. Вы всё замечаете.

Беляев. Ну, нет... не всё.

Вера (задумчиво). Алексей Николаич...

Беляев. Что?

Вера (помолчав). Что бишь я хотела спросить у вас? Я забыла, право, что я хотела спросить.

Беляев. Вы так рассеянны?

Вера. Нет... но... ах, да! Вот что я хотела спросить. Вы мне, кажется, сказывали – у вас есть сестра?

Беляев. Есть.

Вера. Скажите – похожа я на нее?

Беляев. О нет. Вы гораздо лучше ее.

Вера. Как это можно! Ваша сестра... я бы желала быть на ее месте.

Беляев. Как? вы желали бы быть теперь в нашем домишке?

Вера. Я не то хотела сказать... У вас разве домик маленький?

Беляев. Очень маленький... Не то, что здесь.

Вера. Да и на что так много комнат?

Беляев. Как на что? вот вы со временем узнаете, на что нужны комнаты.

Вера. Со временем... Когда?

Беляев. Когда вы сами станете хозяйкой...

Вера (задумчиво). Вы думаете?

Беляев. Вот вы увидите. (Помолчав.) Так что ж, сходить за Колей, Вера Александровна... а?

Вера. Отчего вы меня не зовете Верочкой?

Беляев. А вы меня разве можете называть Алексеем?..

Вера. Отчего же... (Вдруг вздрагивая.) Ах!

Беляев. Что такое?

Вера (вполголоса). Наталья Петровна сюда идет.

Беляев (тоже вполголоса). Где?

Вера (указывая головой). Вон – по дорожке, с Михайлом Александрычем.

Беляев (вставая). Пойдемте к Коле... Он, должно быть, уж кончил свой урок.

Вера. Пойдемте... а то я боюсь, она меня бранить будет... (Оба встают и быстро уходят налево. Катя опять прячется в малинник. Справа входят Наталья Петровна и Ракитин.)

Наталья Петровна (останавливаясь). Это, кажется, господин Беляев уходит с Верочкой?

Ракитин. Да, это они...

Наталья Петровна. Они как будто от нас убегают.

Ракитин. Может быть.

Наталья Петровна (помолчав). Однако я не думаю, чтобы Верочке следовало... эдак, наедине с молодым человеком, в саду... Конечно, она дитя; но всё-таки это неприлично... Я ей скажу.

Ракитин. Сколько ей лет?

Наталья Петровна. Семнадцать! Ей уже семнадцать лет... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. (Оба садятся на скамейку, на которой сидели Вера и Беляев.) Шпигельский уехал?

Ракитин. Уехал.

Наталья Петровна. Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачем этому человеку вздумалось сделаться уездным доктором... Он очень забавен. Он меня смешит.

Ракитин. А я так вообразил, что вы сегодня не в духе смеяться.

Наталья Петровна. Почему вы это думали?

Ракитин. Так!

Наталья Петровна. Потому что мне сегодня всё чувствительное не нравится? О да! предупреждаю вас, сегодня решительно ничего не в состоянии меня тронуть. – Но это не мешает мне смеяться, напротив. Притом мне нужно было с Шпигельским переговорить.

Ракитин. Можно узнать – о чем?

Наталья Петровна. Нет, нельзя. Вы и без того всё знаете, что я думаю, что я делаю... Это скучно.

Ракитин. Извините меня... Я не предполагал...

Наталья Петровна. Мне хочется хоть что-нибудь скрыть от вас.

Ракитин. Помилуйте! из ваших слов можно заключить, что мне всё известно...

Наталья Петровна (перебивая его). А будто нет?

Ракитин. Вам угодно смеяться надо мной.

Наталья Петровна. Так вам точно не всё известно, что во мне происходит? В таком случае я вас не поздравляю. Как? человек наблюдает за мной с утра до вечера...

Ракитин. Что это, упрек?

Наталья Петровна. Упрек? (Помолчав.) Нет, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

Ракитин. Может быть... но так как я наблюдаю за вами с утра до вечера, то позвольте мне сообщить вам одно замечание...

Наталья Петровна. На мой счет? Сделайте одолжение.

Ракитин. Вы на меня не рассердитесь?

Наталья Петровна. Ах, нет! Я бы хотела, да нет.

Ракитин. Вы с некоторых пор, Наталья Петровна, находитесь в каком-то постоянно раздраженном состоянии, и это раздражение в вас невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами с собою, словно недоумеваете. Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно. (Наталья Петровна чертит зонтиком перед собой.) Вы иногда так глубоко вздыхаете... вот как усталый, очень усталый человек вздыхает, которому никак не удастся отдохнуть.

Наталья Петровна. Что ж вы из этого заключаете, господин наблюдатель?

Ракитин. Я? Ничего... Но меня это беспокоит.

Наталья Петровна. Покорно благодарю за участие.

Ракитин. И притом...

Наталья Петровна (с некоторым нетерпением). Пожалуйста, переменимте разговор. (Молчание.)

Ракитин. Вы никуда не намерены выехать сегодня?

Наталья Петровна. Нет.

Ракитин. Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна. Лень. (Молчание.) Скажите мне... ведь вы знаете Большинцова?

Ракитин. Нашего соседа, Афанасья Иваныча?

Наталья Петровна. Да.

Ракитин. Что за вопрос? Не далее как третьего дня мы с ним у вас играли в преферанс.

Наталья Петровна. Что он за человек, желаю я знать.

Ракитин. Большинцов?

Наталья Петровна. Да, да, Болынинцов.

Ракитин. Вот уж этого я, признаться, никак не ожидал!

Наталья Петровна (с нетерпением). Чего вы не ожидали?

Ракитин. Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцове! Глупый, толстый, тяжелый человек – а впрочем, дурного ничего об нем сказать нельзя.

Наталья Петровна. Он совсем не так глуп и не так тяжел, как вы думаете.

Ракитин. Может быть. Я, признаюсь, не слишком внимательно изучал этого господина.

Наталья Петровна (иронически). Вы за ним не наблюдали?

Ракитин (принужденно улыбается). И с чего вам вздумалось...

Наталья Петровна. Так! (Опять молчание.)

Ракитин. Посмотрите, Наталья Петровна, как хорош этот темно-зеленый дуб на темно-синем небе. Он весь затоплен лучами солнца, и что за могучие краски... Сколько в нем несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните с той молоденькой березой... Она словно вся готова исчезнуть в сиянии; ее мелкие листочки блестят каким-то жидким блеском, как будто тают, а между тем и она хороша...

Наталья Петровна. Знаете ли что, Ракитин? Я уже давно это заметила... Вы очень тонко чувствуете так называемые красоты природы и очень изящно, очень умно

говорите об них... так изящно, так умно, что, я воображаю, природа должна быть вам несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливые выражения; вы волочитесь за ней, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьянкой... Только вот в чем беда: мне иногда кажется, что она никак бы не могла понять, оценить ваших тонких замечаний, точно так же, как крестьянка не поняла бы придворных учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубее, чем вы предполагаете, потому что она, слава богу, здорова... Березы не тают и не падают в обморок, как нервические дамы.

Ракитин. *Quelle tirade!*[17 - Какая тирада! (франц.)] Природа здорова... то есть, другими словами, я болезненное существо.

Наталья Петровна. Не вы одни болезненное существо, оба мы с вами не слишком здоровы.

Ракитин. О, мне известен также этот способ говорить другому самым безобидным образом самые неприятные вещи... Вместо того чтобы сказать ему, например, прямо в лицо: ты, братец, глуп, сто?ит только заметить ему с добродушной улыбкой: мы ведь, дескать, оба с вами глупы.

Наталья Петровна. Вы обижаетесь? Полноте, что за вздор! Я только хотела сказать, что мы оба с вами... слово: болезненный – вам не нравится... что мы оба стары, очень стары.

Ракитин. Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

Наталья Петровна. Ну, однако, послушайте; вот мы с вами теперь сидим здесь... может быть, на этой же самой скамейке за четверть часа до нас сидели... два точно молодые существа.

Ракитин. Беляев и Верочка? Конечно, они моложе нас... между нами несколько лет разницы, вот и всё... Но мы от этого еще не старики.

Наталья Петровна. Между нами разница не в одних годах.

Ракитин. А! я понимаю... Вы завидуете их... *na?vete*[18 - простодушию (франц.)], их свежести, невинности... словом, их глупости...

Наталья Петровна. Вы думаете? А! вы думаете, что они глупы? у вас, я вижу, все глупы сегодня. Нет, вы меня не понимаете. Да и притом... глупы! Что за беда! Что хорошего в уме, когда он не забавляет?... Ничего нет утомительнее невеселого ума.

Ракитин. Гм. Отчего вы не хотите говорить прямо, без обиняков? я вас не забавляю – вот что вы хотите сказать... К чему вы ум вообще за меня грешного заставляете страдать?

Наталья Петровна. Это вы всё не то... (Катя выходит из малинника.) Что это, ты малины набрала, Катя?

Катя. Точно так-с.

Наталья Петровна. Покажи-ка... (Катя подходит к ней.) Славная малина! Какая алая... а твои щеки еще алей. (Катя улыбается и потупляет глаза.) Ну, ступай. (Катя уходит.)

Ракитин. Вот еще молодое существо в вашем вкусе.

Наталья Петровна. Конечно. (Встает.)

Ракитин. Куда вы?

Наталья Петровна. Во-первых, я хочу посмотреть, что делает Верочка... Пора ей домой... а во-вторых, признаюсь, наш разговор что-то мне не нравится. Лучше на некоторое время прекратить наши рассуждения о природе и молодости.

Ракитин. Вам, может быть, угодно гулять одной?

Наталья Петровна. По правде сказать, да. Мы увидимся скоро... Впрочем, мы расстаемся друзьями? (Протягивает ему руку.)

Ракитин (вставая). Еще бы! (Жмет ей руку.)

Наталья Петровна. До свиданья. (Она раскрывает зонтик и уходит налево.)

Ракитин (ходит некоторое время взад и вперед). Что с ней? (Помолчав.) Так! каприз. Каприз? Прежде я этого в ней не замечал. Напротив, я не знаю женщины, более ровной в обхождении. Какая причина?.. (Ходит опять и вдруг останавливается.) Ах, как смешны люди, у которых одна мысль в голове, одна цель, одно занятие в жизни... Вот как я, например. Она правду сказала: с утра до вечера наблюдаешь мелочи и сам становишься мелким... Всё так; но без нее я жить не могу, в ее присутствии я более чем счастлив; этого чувства нельзя назвать счастьем, я весь принадлежу ей, расстаться с нею мне было бы, без всякого преувеличения, точно то же, что расстаться с жизнью. Что с ней? Что значит эта внутренняя тревога, эта невольная едкость речи? Не начинаю ли я надоедать ей? Гм. (Садится.) Я никогда себя не обманывал; я очень хорошо знаю, как она меня любит; но я надеялся, что это спокойное чувство со временем... Я надеялся! Разве я в праве, разве я смею надеяться? Признаюсь, мое положение довольно смешно... почти презрительно. (Помолчав.) Ну, к чему такие слова? Она честная женщина, а я не ловелас. (С горькой усмешкой.) К сожалению. (Быстро поднимаясь.) Ну, полно! Вон весь этот вздор из головы! (Прохаживаясь.) Какой сегодня прекрасный день! (Помолчав.) Как она ловко уязвила меня... Мои «изысканно-счастливые» выражения... Она очень умна, особенно когда не в духе. И что за внезапное поклонение простоте и невинности?.. Этот русский учитель... Она мне часто говорит о нем. Признаюсь, я в нем ничего особенного не вижу. Просто студент, как все студенты. Неужели она... Быть не может! Она не в духе... сама не знает, чего ей хочется, и вот царапает меня. Бьют же дети свою няню... Какое лестное сравнение! Но не надобно мешать ей. Когда этот припадок тоскливого беспокойства пройдет, она сама первая будет смеяться над этим долговязым птенцом, над этим свежим юношей... Объяснение ваше недурно, Михайло Александрыч, друг мой, да верно ли оно? А господь ведает! Вот увидим. Уж не раз случалось вам, мой любезнейший, после долгой возни с самим собою, отказаться вдруг от всех предположений и соображений, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будет. А пока, сознайтесь, вам самим порядочно неловко и горько... Таково уже ваше ремесло... (Оглядывается.) А! да вот и он сам, наш непосредственный юноша... Кстати пожаловал... Я с ним еще ни разу не поговорил как следует. Посмотрим, что за человек. (Слева входит Беляев.) А, Алексей Николаич! И вы вышли погулять на свежий воздух?

Беляев. Да-с.

Ракитин. То есть, признаться, воздух сегодня не совсем свеж; жара страшная, но здесь, под этими липами, в тени, довольно сносно. (Помолчав.) Видели вы Наталью Петровну?

Беляев. Я сейчас их встретил... Оне с Верой Александровной в дом пошли.

Ракитин. Да уж это не вас ли я с Верой Александровной здесь видел, с полчаса тому назад?

Беляев. Да-с... Я с ней гулял.

Ракитин. А! (Берет его под руку.) Ну, как вам нравится жизнь в деревне?

Беляев. Я люблю деревню. Одна беда: здесь охота плохая.

Ракитин. А вы охотник?

Беляев. Да-с... А вы?

Ракитин. Я? нет; я, признаться, плохой стрелок. Я слишком ленив.

Беляев. Да и я ленив... только не ходить.

Ракитин. А! Что ж вы – читать ленивы?

Беляев. Нет, я люблю читать. Мне лень долго работать; особенно одним и тем же предметом заниматься мне лень.

Ракитин (улыбаясь). Ну, а, например, с дамами разговаривать?

Беляев. Э! да вы надо мной смеетесь... Дам я больше боюсь.

Ракитин (с некоторым смущением). С чего вы вздумали... с какой стати стану я над вами смеяться?

Беляев. Да так... что за беда! (Помолчав.) Скажите, где здесь можно достать пороху?

Ракитин. Да в городе, я думаю; он там продается под именем мака. Вам нужно хорошего?

Беляев. Нет: хоть винтовочного. Мне не стрелять, мне фейерверки делать.

Ракитин. А! вы умеете...

Беляев. Умею. Я уже выбрал место: за прудом. Я слышал, через неделю именины Натальи Петровны; так вот бы кстати.

Ракитин. Наталье Петровне будет очень приятно такое внимание с вашей стороны... Вы ей нравитесь, Алексей Николаич, скажу вам.

Беляев. Мне это очень лестно... Ах, кстати, Михайло Александрыч, вы, кажется, получаете журнал. Можете вы мне дать почитать?

Ракитин. Извольте, с удовольствием... Там есть хорошие стихи.

Беляев. Я до стихов не охотник.

Ракитин. Почему же?

Беляев. Да так. Смешные стихи мне кажутся натянутыми, да притом их немного; а чувствительные стихи... я не знаю... Не верится им что-то.

Ракитин. Вы предпочитаете повести?

Беляев. Да-с, хорошие повести я люблю... но критические статьи – вот те меня забирают.

Ракитин. А что?

Беляев. Теплый человек их пишет...[5 - Теплый человек их пишет... – Беляев имеет в виду литературно-критические статьи и рецензии Белинского.]

Ракитин. А сами вы – не занимаетесь литературой?

Беляев. О нет-с! Что за охота писать, коли таланту бог не дал. Только людей смешить. Да и притом вот что удивительно, вот что объясните мне, сделайте одолжение: иной и умный, кажется, человек, а как возьмется за перо – хоть святых вон неси. Нет, куда нам писать – дай бог понимать написанное!

Ракитин. Знаете ли что, Алексей Николаич? Не у многих молодых людей столько здравого смысла, сколько у вас.

Беляев. Покорно вас благодарю за комплимент. (Помолчав.) Я выбрал место для фейерверка за прудом, потому что я умею делать римские свечи, которые горят на воде...

Ракитин. Это, должно быть, очень красиво... Извините меня, Алексей Николаич, но позвольте вас спросить... Вы знаете по-французски?

Беляев. Нет. Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» – может быть, слышали – за пятьдесят рублей ассигнациями; но я ни слова не знаю по-французски.[6 - Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» ~ но я ни слова не знаю по-французски. – Тургенев воспользовался для характеристики Беляева эпизодом из биографии Белинского, который, находясь после исключения из университета в большой нужде, принял заказ на перевод только что выпущенного в свет романа Поль де Кока «Магдалина». Перевод этот, опубликованный в 1833 г., изобилует ошибками, так как Белинский в ту пору еще плохо владел французским языком. В передаче Тургенева, заменившего в своей пьесе «Магдалину» Поль де Кока его же «Монфермельской молочницей» («LaLaitière de Montfermeil»), этот эпизод в течение многих лет бытовал во всех биографиях Белинского. См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 562.] Вообразите: «катр-вен-дис» я перевел: четыре двадцать-десять... Нужда, знаете ли, заставила. А жаль. Я бы желал по-французски знать. Да лень проклятая. Жорж Санда я бы желал по-французски прочесть. Да выговор... как с выговором прикажете сладить? ан, он, ен, ён... Беда!

Ракитин. Ну, этому горю еще можно помочь...

Беляев. Позвольте узнать, который час?

Ракитин (смотрит на часы). Половина второго.

Беляев. Что это Лизавета Богдановна так долго Колю держит за фортепьянами... Ему, чай, смерть теперь хочется побегать.

Ракитин (ласково). Да ведь надобно же и учиться, Алексей Николаич...

Беляев (со вздохом). Не вам бы это говорить, Михайло Александрыч – не мне бы слушать... Конечно, не всем же быть такими шалопаями, как я.

Ракитин. Ну, полноте...

Беляев. Да уж про это я знаю...

Ракитин. А я, так напротив, тоже знаю, и наверное, что именно то, что вы в себе считаете недостатком, эта ваша непринужденность, ваша свобода – это именно и нравится.

Беляев. Кому, например?

Ракитин. Да хоть бы Наталье Петровне.

Беляев. Наталье Петровне? С ней-то я и не чувствую себя, как вы говорите, свободным.

Ракитин. А! В самом деле?

Беляев. Да и, наконец, помилуйте, Михайло Александрыч, разве воспитание не первая вещь в человеке? Вам легко говорить... Я, право, не понимаю вас... (Вдруг останавливаясь.) Что это? Как будто коростель в саду крикнул? (Хочет идти.)

Ракитин. Может быть... но куда же вы?

Беляев. За ружьем... (Идет в кулисы налево, навстречу ему выходит Наталья Петровна.)

Наталья Петровна (увидав его, вдруг улыбается). Куда вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с...

Ракитин. За ружьем... Он коростеля в саду услышал...

Наталья Петровна. Нет, не стреляйте, пожалуйста, в саду... Дайте этой бедной птице пожить... Притом вы бабушку испугать можете.

Беляев. Слушаю-с.

Наталья Петровна (смеясь). Ах, Алексей Николаич, как вам не стыдно? «Слушаю-с» – что это за слово? Как можно... так говорить? Да постойте; мы вот с Михаилом Александрычем займемся вашим воспитаньем... Да, да... Мы уже с ним не раз говорили о вас... Против вас заговор, я вас предупреждаю. Ведь вы позволите мне заняться вашим воспитанием?

Беляев. Помилуйте... Я-с...

Наталья Петровна. Во-первых – не будьте застенчивы, это к вам вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (Указывая на Ракитина.) Ведь мы с ним старики – а вы молодой человек... Не правда ли? Посмотрите, как это всё хорошо пойдет. Вы будете заниматься Колей – а я... а мы вами.

Беляев. Я вам буду очень благодарен.

Наталья Петровна. То-то же. О чем вы тут разговаривали с Михайлой Александрычем?

Ракитин (улыбаясь). Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу – ни слова не зная по-французски.

Наталья Петровна. А! Ну вот мы вас и по-французски выучим. Да кстати, что? вы сделали с вашим змеем?

Беляев. Я его домой отнес. Мне показалось, что вам... неприятно было...

Наталья Петровна (с некоторым смущением). Отчего ж вам это показалось? Оттого, что я Верочке... что я Верочку домой взяла? Нет, это... Нет, вы ошиблись.

(С живостью.) Впрочем, знаете ли что? Теперь Коля, должно быть, кончил свой урок. Пойдемте возьмемте его, Верочку, змея – хотите? И вместе все отправимся на луг. А?

Беляев. С удовольствием, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. И прекрасно. Ну, пойдемте же, пойдемте. (Протягивает ему руку.) Да возьмите же мою руку, какой вы неловкий. Пойдемте... скорей. (Оба быстро уходят налево.)

Ракитин (глядя им вслед). Что за живость... что за веселость... Я никогда у ней на лице такого выражения не видал. И какая внезапная перемена! (Помолчав.) *Souvent femme varie...*[19 - Как изменчива женщина... (франц.)][7 - *Souvent femme varie...* – Начальные слова песенки короля франциска I, использованные В. Гюго в его драме «Король забавляется» («*Le roi s’amuse*», 1832, акт IV, сцена II). В романе Дюма «Граф Монте-Кристо», который читает Ракитин, цитируется эта же сентенция (т. II, гл. 28: «*Souvent femme varie, – a dit, Fran?ois I-er*».)] Но я... я решительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. (Помолчав.) Что ж! Увидим, что далее будет. (Медленно.) Неужели же... (Махает рукой.) Быть не может!.. Но эта улыбка, этот приветный, мягкий, светлый взгляд... Ах, не дай бог мне узнать терзания ревности, особенно бессмысленной ревности! (Вдруг оглядываясь.) Ба, ба, ба... какими судьбами?[8 - Ба, ба, ба... какими судьбами! – Цитата из «Мертвых душ» Гоголя (гл. IV, встреча Чичикова с Ноздревым).] (Слева входят Шпигельский и Большинцов. Ракитин идет им навстречу.) Здравствуйте, господа... Я, признаться, Шпигельский, вас сегодня не ожидал... (Жмет им руки.)

Шпигельский. Да и я сам того-с... Я сам не воображал... Да вот заехал к нему (указывая на Большинцова), а он уж в коляске сидит, сюда едет. Ну, я тотчас оглобли назад да вместе с ним и вернулся.

Ракитин. Что ж, добро пожаловать.

Большинцов. Я точно собирался...

Шпигельский (заминая его речь). Нам люди сказали, что господа все в саду... По крайней мере, в гостиной никого не было...

Ракитин. Да вы разве не встретили Наталью Петровну?

Шпигельский. Когда?

Ракитин. Да вот сейчас.

Шпигельский. Нет. Мы не прямо из дому сюда пришли. Афанасию Иванычу хотелось посмотреть, есть ли в рощице грибы?

Большинцов (с недоумением). Я...

Шпигельский. Ну, да мы знаем, что вы до подберезников большой охотник. Так Наталья Петровна домой пошла? Что ж? И мы можем вернуться.

Большинцов. Конечно.

Ракитин. Да она пошла домой для того, чтобы позвать всех гулять... Они, кажется, собираются пускать змея.

Шпигельский. А! И прекрасно. В такую погоду надобно гулять.

Ракитин. Вы можете остаться здесь.... Я пойду, скажу ей, что вы приехали.

Шпигельский. Для чего же вы будете беспокоиться... Помилуйте, Михайло Александрыч...

Ракитин. Нет... мне и без того нужно...

Шпигельский. А! ну в таком случае мы вас не удерживаем... Без церемонии, вы знаете...

Ракитин. До свиданья, господа. (Уходит налево.)

Шпигельский. До свидания. (Большинцову.) Ну-с, Афанасий Иваныч...

Большинцов (перебивая его). Что это вам, Игнатий Ильич, вздумалось насчет грибов... Я удивляюсь; какие грибы?

Шпигельский

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Монте-Кристо вскочил, прерывисто дыша...» (франц.)

2

что? вы для меня (франц.).

3

как поживаете? (Нем.)

4

«Да, да, да, конечно, конечно, очень хорошо» (нем.).

5

Позвольте... (Нем.)

6

Идемте (нем.).

7

Завтра, господин Шааф, завтра... (Нем.)

8

Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят... Идемте... (Нем.)

9

Сударыня... (Нем.)

10

Это неслыханно! (Нем.)

11

Идемте, сударь... (Нем.)

12

Дитя мое, вы бы надели другое платье к обеду... (франц.)

13

Так не входят в комнату... Это неприлично. (франц.)

14

идите вперед с месье (франц.).

15

Это глупо... (Нем.)

16

демоническое существо (франц.).

17

Какая тирада! (франц.)

18

простодушию (франц.).

19

Как изменчива женщина... (франц.)

Комментарии

1

«Монте-Кристо» – роман Александра Дюма-отца «Comte de Monte-Cristo» (1844–1845).

2

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute. — Первые строки стихотворения Христиана Феликса Вейсе (1726–1804), ставшие пословицей. Стихотворение впервые было напечатано в сб. «Lieder f?r Kinder» (1766).

3

Ведь я, как Татьяна, тоже могу сказать: «К чему лукавить?» – Слова Татьяны в романе Пушкина «Евгений Онегин», глава восьмая, строфа XLVII.

4

...он называл меня ~ своей Антигоной... – Антигона – легендарная древнегреческая героиня, дочь Эдипа и его матери Иокасты, последовавшая за слепым отцом в изгнание. Миф об Антигоне лег в основу трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона».

5

Теплый человек их пишет... – Беляев имеет в виду литературно-критические статьи и рецензии Белинского.

6

Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» ~ но я ни слова не знаю по-французски. – Тургенев воспользовался для характеристики Беяева эпизодом из биографии Белинского, который, находясь после исключения из университета в большой нужде, принял заказ на перевод только что выпущенного в свет романа Поль де Кока «Магдалина». Перевод этот, опубликованный в 1833 г., изобилует ошибками, так как Белинский в ту пору еще плохо владел французским языком. В передаче Тургенева, заменившего в своей пьесе «Магдалину» Поль де Кока его же «Монфермельской молочницей» («LaLaitière de Montfermeil»), этот эпизод в течение многих лет бытовал во всех биографиях Белинского. См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 562.

7

Souvent femme varie... – Начальные слова песенки короля франциска I, использованные В. Гюго в его драме «Король забавляется» («Le roi s’amuse», 1832, акт IV, сцена II). В романе Дюма «Граф Монте-Кристо», который читает Ракин, цитируется эта же сентенция (т. II, гл. 28: «Souvent femme varie, – a dit, François I-er»).

8

Ба, ба, ба... какими судьбами! – Цитата из «Мертвых душ» Гоголя (гл. IV, встреча Чичикова с Ноздревым).

Купить: <https://tellnovel.com/ivan-turgenev/mesyac-v-derevne>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)